

Г. Мельгунов

**О южном берегу Каспийского
моря**

**Приложение к 3 тому Записок
имп. академии наук №5**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г. Мельгунов**
О южном берегу Каспийского моря: Приложение к 3 тому Записок имп. академии наук №5 / Г. Мельгунов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 405 с.

ISBN 978-5-4241-7057-7

Нет стр 369, 371.

ISBN 978-5-4241-7057-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Путешествіе по сѣверной Персіи. Составленіе географическихъ замѣчаній и литературныхъ указаній. Маршрутная карта. Заключение.

По приглашенію Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ сентябрѣ м. 1860 г. пріѣхалъ на Кавказъ академикъ Б. А. Дорнъ. Изъ Тифлиса онъ отправлялся въ сѣверную Персію, куда начальнику Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго, статсъ-секретарю А. Ф. Крузенштерну, угодно было откомандировать и меня изъ Дипломатической Канцеляріи князя А. И. Барятинскаго.

Мы выѣхали вмѣстѣ изъ Тифлиса 24 ч., слѣдѣ застать на бакинскомъ рейдѣ пароходъ, который дѣлалъ въ октябрѣ м. послѣдній свой почтовый рейсъ по Каспійскимъ портамъ. На четвертый день мы были въ Баку; пароходъ изъ Астрахани еще не приходилъ, и нѣсколько свободныхъ дней дали намъ возможность приготовиться къ дальнѣйшему путешествію.

Учредитель «Закаспійскаго Торговаго Товарищества», баронъ Н. Е. Торнау, предложилъ намъ воспользоваться во время пребыванія въ Персіи помѣщеніемъ въ открытыхъ имъ тамъ торговыхъ факторіяхъ.

Благодаря предупредительной къ намъ внимательности бывшаго тогда начальника бакинскаго порта, капитана 1 ранга К. В. Фрейганга, мы 5 октября заняли каюты на пароходѣ «Ленкорань», и въ 11 часовъ вечера того же дня были въ морѣ. Вмѣ-

стѣ съ нами находился прикомандированный къ академику Б. А. Дорну отъ Кавказскаго Комитета г. Спасскій-Автономовъ.

На слѣдующее утро, мы видѣли на палубѣ парохода общество уже восточное. Вокругъ насъ толпились Персіяне-купцы, возвращавшіеся на свою родину изъ Астрахани или съ Нижегородской ярмарки; между ними оказались и представители мусульманской образованности, которые не замедлили войти съ нами въ знакомство. Одинъ изъ нихъ заявилъ о себѣ, что онъ поэтъ по призванію, и называется *Халиль-улла-абумъ-меали-Аджибъ*. Сложное это имя онъ объяснилъ намъ такимъ образомъ: что титулъ Халиль-улла *خليل الله* «другъ Бога» онъ носить по причинѣ своей благочестивой жизни, во всемъ сходной съ жизнію Ибрагима (Авраама), прозваніе же Аджибъ *عجيب* «удивительный», онъ удостоился получить еще съ малолѣтства отъ покойнаго Мухаммедъ-Шаха, который, видя его высокую ученость и таланты, далъ ему это названіе взамѣнъ прежняго его имени *Адибъ* *اديب* «ученый». Поэтъ прибавилъ, что Мухаммедъ Шахъ не называлъ его иначе какъ «соловьемъ *бульбуль* *بلبل* и даже находилъ, что онъ достоинъ быть украшенъ «короною *куль*» *كل*.

Вмѣстѣ съ Аджибомъ представился намъ дервишъ подъ именемъ *Хаджи Земзема* «священнаго колодца». Онъ также какъ и Халиль растолковалъ намъ предварительно, что титулъ Хаджи имѣетъ за свое, разумѣется, путешествіе въ Мекку, а какъ онъ умывался тамъ въ священномъ колодцѣ *«Земземъ»* водою, то ему и слѣдуетъ это послѣднее дополнительное названіе. Дервишъ Земземъ ѣздилъ искать счастья въ Астрахань, и возвращался опять въ Персію, чтобы совершить новое путешествіе ко святымъ мѣстамъ.

Въ сторонѣ отъ Персіянь помѣщались на палубѣ парохода нѣсколько человѣкъ Туркменъ. Они возвращались изъ Астрахани на зиму въ свои лѣтнія степи, и заняты были торговыми расчетами. На Персіянь они не обращали никакого вниманія, ни съ кѣмъ изъ нихъ не говорили, и даже старались выказывать явное къ нимъ нерасположеніе. Обращеніе ихъ съ Русскими было свободное, независимое.

Въ Астрахань Туркмены отправляются ежегодно по торговымъ дѣламъ, и на пароходахъ пользуются бесплатнымъ проѣздомъ. Мѣра эта мало привлекаетъ ихъ однако оставлять свои степи, хотя и на время, и въ Астрахани бываютъ только тѣ изъ Туркменъ, которые привыкли уже къ Русскимъ, и не пользуются между своими соотечественниками никакимъ значеніемъ.

Между Туркменами и Персіянами находилось затѣмъ на пароходѣ нѣсколько человекъ изъ Афганъ; они возвращались изъ Баку въ свою деревню Каратапе.

Къ 5 часамъ вечера пароходъ сталъ на якорь на Ленкоранскомъ рейдѣ, на довольно близкомъ разстояніи отъ берега; погода стояла тихая и буруновъ не было.

Пока нѣкоторые изъ пассажировъ свозились на берегъ, мы воспользовались временемъ, чтобы посѣтить въ Ленкорани тамошняго жителя, агента «Закаспійскаго Товарищества» М. М. Козицкаго. На берегъ перебрались мы не безъ хлопотъ; за мелководіемъ лодка не могла подойти къ нему близко, и матросамъ пришлось переносить насъ на плечахъ.

Въ 10 часовъ вечера мы были вновь въ морѣ на пути къ Энзелейскому рейду. Астаринской пограничной нашей тамошни съ Персією мы не видѣли, и мимо нея прошли ночью. Въ 11^{1/2} часовъ утра пароходъ стоялъ на Энзелейскомъ рейдѣ. На персидскомъ берегу возвышалась передъ нами извѣстная Энзелейская башня или крѣпость. Небольшой вѣтеръ не позволилъ пароходу подойти близко къ берегу, и мы остановились отъ него версты на 3. Съѣхать въ Энзели мы не рѣшились, опасаясь, чтобы большіе буруны не воспрепятствовали нашему возвращенію.

Едва пароходъ бросилъ якорь, какъ окруженъ былъ энзелейскими киржимами, которые еще издали принаравливались подступить къ нему поближе, чтобы вѣрнѣе воспользоваться товарами или пассажирами. Охотниковъ занять такую выгодную позицію было не мало, и за пароходъ со всѣхъ сторонъ цѣплялись багры, шесты и руки съ киржимовъ. Толкотня и суматоха произошла большая; трапъ еще не былъ спущенъ, а на палубу успѣли уже взобраться болѣе смѣлые изъ Гилековъ. Вмѣстѣ съ ними появились и кущы съ вышитыми шелкомъ ска-

тертями, салфетками, туфлями и т. п. мѣстными произведеніями. Пассажировъ въ Энзели нашлось всего человѣка 2 изъ Персіянъ, товаровъ же совсѣмъ не было, а потому киржимщикамъ пришлось возвращаться съ пустыми лодками.

Къ вечеру пароходъ снялся съ якоря и отправился къ Астрабадскому заливу. Небольшой вѣтеръ не былъ попутнымъ, и насъ начало слегка покачивать. Незначительная эта качка, продолжавшаяся и весь слѣдующій день, свалила почти всѣхъ Персовъ; они расположились по палубѣ, и не поднимались уже до слѣдующей станціи. Мы не видѣли и Аджиба съ Земземомъ; они или съѣхали въ Энзели, или лежали на палубѣ среди другихъ соотечественниковъ.

Утромъ 9 числа мы шли въ виду Астрабадскаго залива. На островѣ Ашурадэ, гдѣ помѣщается наша военная морская Станція, можно было различить суда и зданія; къ югу возвышались темныя массы Альбурзскихъ горъ; тонкая полоса на восточномъ горизонтѣ обозначала туркменское побережье. Мы скоро миновали островъ слѣдуя прямымъ курсомъ къ вост. берегу; здѣсь пароходъ принялъ направленіе на ю., параллельно съ туркменскимъ берегомъ, и вошелъ въ фарватеръ около малаго Ашурадэ, который закрылъ отъ насъ на нѣкоторое время морскую Станцію. Обойдя островъ, мы находились въ Астрабадскомъ заливѣ; большой Ашурадэ остался отъ насъ сначала съ правой стороны, а за тѣмъ мы были впереди его. Астрабадскій заливъ такъ былъ тихъ, что мы не чувствовали ни малѣйшаго колебанія парохода.

Въ 11 часовъ утра мы стояли на якорѣ передъ персидскимъ Гязскимъ берегомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *перевала*, на разстояніи отъ него съ версту. Пароходъ долженъ былъ сдать на берегу пассажировъ и товары, и идти на рейдъ къ военной Станціи. Мы тотчасъ же отправились на перевалъ, къ которому лодка не могла однако подвезти насъ; на пути мы перебрались съ нея на кулазь, но и онъ провезъ насъ всего нѣсколько шаговъ по песчаной отмели, такъ что для окончательной нашей перевозки надобно было прибѣгнуть къ пособию матросовъ. Пристани нигдѣ не было, и матросы перенесли насъ на рукахъ, или вѣрнѣе, на спинахъ.

Гязскій берегъ представлялъ картину довольно жалкую. Нѣсколько камышевыхъ кривыхъ и сквозныхъ шалашей, которые едва держались на тонкихъ жердяхъ, служили самымъ скуднымъ помѣщеніемъ для русскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ сюда на зиму по торговымъ дѣламъ; въ шалашахъ этихъ никого не находилось. На берегу встрѣтилъ насъ переводчикъ «Закаспійскаго Товарищества» Мирза Егоръ, и повелъ смотрѣть на двухъ-этажную вышку, построенную здѣсь Товариществомъ. Вышка эта, какъ намъ рассказывали, стояла въ свое время не мало хлопотъ. Поставлена она была въ 1859 г. послѣ пожара на Гязскомъ берегу, когда сгорѣли здѣсь всѣ зданія и жить было негдѣ, персидское же правительство или мѣстныя власти увидѣли въ вышкѣ опасное для спокойствія Персіи укрѣпленіе, и по этому случаю долгое время ходили между Астрабадомъ и Тегераномъ разнаго рода дѣловыя бумаги, пересылка которыхъ обошлась въ 10 разъ дороже самого зданія.

Съ вышки мы возвратились на пароходъ тѣмъ же порядкомъ, т. е. съ тройною переправою по побережью.

Въ 7 часовъ вечера мы были на островѣ Ашурадѣ, гдѣ помѣстились въ домѣ «Закаспійскаго Товарищества».

Отъ Энзели до Ашурадѣ мы шли всего 41 часъ.

Морскую поѣздку мы исполнили такимъ образомъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Пароходъ останавливался на всѣхъ рейдахъ безъ затрудненій; большой качки мы не испытали, и переходъ съ западнаго берега на восточный былъ для насъ почти не замѣтенъ.

На Ашурадѣ мы опредѣлили себѣ тотъ путь, которому намѣрены были слѣдовать въ дальнѣйшихъ сухопутныхъ поѣздкахъ по прибрежнымъ персидскимъ провинціямъ.

Мы полагали начать путешествіе отъ Ашрефа, и оттуда проѣхать въ гг. Сари и Барферушъ. Бывшій въ то время начальникъ морской Станціи, капитанъ 1-го ранга Рудаковъ, изъявилъ намъ готовность свою способствовать переѣздамъ нашимъ по морю, и мы условились, что паровая шкуна, въ обычные свои зимніе рейсы между Ашурадѣ и Баку, зайдетъ за нами 15 или 16 ч. слѣдующаго мѣсяца въ Мешгедисеръ и перевезетъ оттуда моремъ въ Энзели, а послѣ того мѣсяцъ

спустя, приметъ насъ въ Энзели, и доставитъ въ Баку. Для путешествій по Мазандарану и Гилянѣ мы имѣли по одному мѣсяцу, и не теряя времени, отправили тотчасъ же нарочнаго въ д. Каратапе для найма чарвадарскихъ лошадей, чтобы ѣхать въ Ашрефъ.

Между тѣмъ, пока собирались лошади, Б. А. Дорнъ изъявилъ намѣреніе ѣхать въ Радканъ, чтобы снять тамъ надпись съ извѣстной радканской башни. Исполнить это было повидимому нетрудно. Радканъ находился отъ насъ всего на одинъ день пути; слѣдовало только переѣхать высокій горный хребетъ, за которымъ расположена эта башня. Погода стояла благопріятная, перевалъ черезъ горы не представилъ бы, вѣроятно, особенныхъ затрудненій, какія большею частію встрѣчаются во время дурной погоды и даже при малыхъ дождяхъ, когда горныя тропинки дѣлаются весьма грязными и скользкими. Туркмены не производили въ это время большихъ разбоевъ по заливу или персидскимъ побережьямъ, и можно было рассчитывать на безопасное путешествіе. Намѣренія своего мы къ сожалѣнію не могли привести въ исполненіе, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для снятія надписи.

Радканская башня имѣетъ двѣ надписи: одна изъ нихъ кувфическая надъ дверьми съ ю. стороны, и другая на верху, на конусѣ. Первую возможно скопировать снизу ¹⁾, верхнюю же трудно различить простымъ глазомъ и для снятія ея требуется имѣть лѣстницу. Мѣстные жители боятся оказать свое содѣйствіе безъ позволенія Астрабадскаго начальства, въ Астрабадѣ же не вѣрятъ, чтобы могла существовать научная цѣль независимо отъ дѣйствій политическихъ, и по мнѣнію Персіянъ, въ подобныхъ случаяхъ непременно должно скрываться какое либо враждебное намѣреніе, которое, по ихъ выраженію, можетъ «нарушить доброе согласіе между двумя великими и могущественными державами, каковы Персія и Россія».

На содѣйствіе мѣстныхъ властей намъ конечно нечего было и рассчитывать. Мы полагали снять надпись своими средствами или, лучше сказать, средствами Станціи, взявъ съ со-

1) См. Отчетъ о путеш. по Кавказу Акад. Б. Дорна, стр. 10.

бою для составленія лѣстницы, судовыя мачты, но и это намѣреніе трудно было исполнить, потому что нельзя было ручаться за цѣлостъ переноски мачтъ по узкимъ и крутымъ горнымъ тропинкамъ. Кромѣ того мы могли рисковать при тихой поѣздкѣ не дойти за свѣтло въ одинъ день до Радкана, въ лѣсной же дорогѣ негдѣ было искать пріюта въ ночное время. Успѣхъ нашей поѣздки могъ быть поэтому весьма сомнительнымъ, и мы наплись вынужденными отложить свое намѣреніе ¹⁾).

Между тѣмъ изъ Каратапе дали намъ знать, что лошади наняты и ожидаютъ насъ на берегу рѣчки *Атрекъ*. Мы перешли на баржу № 12 (Командиръ лейтенантъ Ладыжинскій), чтобы переѣхать заливомъ до д. *Каратапе*.

На Ашурадѣ мы оставались всего два дня, и 12 числа около полудня снялись съ якоря. Вѣтеръ былъ сначала попутнымъ, и баржа шла подъ парусами, между полуостр. Потемкинскимъ и персидскимъ берегомъ. Впереди насъ слѣдовала винтовая шкуна, принадлежавшая промѣрной Экспедиціи. Вскорѣ вѣтеръ началъ стихать и мы подвигались довольно медленно; глубина воды постепенно уменьшалась, баржа не могла наконецъ идти, и часа въ 4 стала на якорь на довольно значительномъ разстояніи отъ берега. Переправляться въ Каратапе на лодкѣ было уже поздно, и мы остались на баржѣ до слѣдующаго дня. На берегъ отправился на кулазѣ сопровождавшій насъ съ Ашурадѣ кетхуда (старшина) деревни Каратапе Миръ-Баба, который долженъ былъ распорядиться высылкою лошадей къ р. Атрекъ. Утромъ мы потребовали кулазѣ посредствомъ условнаго сигнальнаго выстрѣла изъ фалконета, и пошли къ нему на встрѣчу на катерѣ съ баржи. Кулазѣ подошелъ къ

1) Въ послѣднее время я имѣлъ случай видѣть присланные въ Академію наукъ г. Гусевымъ изъ г. Астрабада съ радканской надписи списки, но разобрать ихъ едва ли однако возможно. При томъ же желательно имѣть во все не списки срисованные, а *оттиски*, или же фотографическіе снимки съ надписи.

По описанію, приложенному къ спискамъ, радканская башня имѣетъ въ вышину съ небольшимъ 31 арш., въ окружность снаружи 54 и внутри 26 арш. Нижняя половина башни цилиндрическая, верхняя же коническая. Входъ вышиною въ $4\frac{1}{2}$ и шириною въ $1\frac{3}{4}$ арш. Толщина стѣнъ въ $2\frac{3}{4}$ арш.; онѣ сложены изъ квадратныхъ кирпичей въ длину и ширину $5\frac{1}{4}$ вершк. и толщиной въ $1\frac{1}{4}$ в. Съ в. стороны небольшое окно; вершина конуса частію развалилась. Подъ землею пустота, что можно различить при ударѣ ногою.

намъ скоро; мы перегрузились на него и поплыли, отталкиваясь по песчаной отмели шестами и палками къ берегу, гдѣ дожидались насъ чарвадарскія лошади и ихъ вожатые. Войдя въ рѣчку Атрекъ, мы подтянулись къ правому ея берегу.

Погода съ утра еще сдѣлалась пасмурною, и едва мы вышли на берегъ, какъ началъ накрапывать дождь. Мы поспѣшили навьючить лошадей, и не заѣзжая въ д. Каратапе, которая оставалась отъ насъ вправо съ версту отъ рѣчки, отправились въ Ашрефъ. Берегъ оставили мы часа въ 2 по полудни, а къ 4 часамъ были въ Ашрефѣ, гдѣ остановились въ «Баги-шахѣ», въ извѣстномъ дворцѣ «Чигиль-сутунѣ». Въ домѣ этомъ мы выбрали для помѣщенія верхнюю комнату, и тотчасъ же пошли осматривать разрушенные Шахъ-аббасскіе дворцы, раскинутые по разнымъ частямъ сада. Путеводителями нашими были при этомъ ашрефскіе Персіяне, которые явились въ Баги-шахъ въ слѣдъ за нашимъ прїѣздомъ.

Садъ былъ какъ и всегда пустъ: въ немъ прогуливались только, среди апельсиновыхъ, лимонныхъ, кипарисныхъ, и др. деревьевъ, коровы и лошади. Обойдя всѣ дворцы мы возвратились въ Чагиль-сутунъ уже поздно вечеромъ; чарвадары приготовили намъ тѣмъ временемъ пловъ съ вареными циплятами для ужина; посреди комнаты, для согрѣванія ея, поставленъ былъ мангалъ съ углями. Ужинъ нашъ начался подъ музыку шакалокъ, распѣвавшихъ на разные голоса около самаго дворца. Ашрефскіе Персіяне и чарвадары толпились вокругъ насъ и передавали намъ свои свѣдѣнія объ извѣстныхъ имъ деревняхъ, при чемъ не обошлось между ними и безъ споровъ, особенно когда дѣло касалось до народонаселенія по деревнямъ или до разстоянія ихъ отъ Ашрефа. Въ подобныхъ случаяхъ, не смотря на разные доводы, вопросъ оставался большею частію нерѣшеннымъ, и дѣло передавалось на волю Божию. Съ этого начались мои географическія разысканія. Послѣ ужина мы разстали на сыромъ полу свои желѣзныя кровати, загородили кое-какъ разбитыя окна, чтобы въ нихъ не пробивался дождь, и, утомленные дорогою, скоро уснули, не смотря на пронзительныя завыванія голодныхъ шакалокъ.

Утромъ 15 октября лошади наши были вновь навьючены, и

мы отправились въ г. Сари. Дождь не переставалъ; это понуждало насъ ѣхать скорѣе, чтобы засвѣтло быть въ городѣ. Лѣсныя тропинки не успѣли еще сдѣлаться грязными, и мы слѣдовали по нимъ безъ особыхъ затрудненій. Къ вечеру мы пріѣхали въ Сари и остановились при вѣздѣ въ городъ, въ каравансераѣ тамошняго купца Хаджи Ахмеда.

Хозяинъ каравансерая отвелъ намъ лавку по лѣвую сторону воротъ, и мы расположились было въ ней; но въ лавкѣ этой не нашлось опускаемыхъ рамъ «аруси», и мы оказались въ ней какъ на сценѣ въ виду толпы народа, собравшагося по обыкновенію смотрѣть на пріѣзжихъ фаренги. Дождь пробивался кромѣ того въ самую комнату; мы обратились къ хозяину, чтобы онъ перемѣнилъ намъ помѣщеніе, и Хаджи Ахмедъ повелъ насъ тогда въ другую лавку, по правую сторону воротъ, но изъ одной крайности перешли мы въ другую. Въ этой лавкѣ рамы, которыя дѣлаются большею частію изъ составныхъ стеколъ, были деревянные, свѣтъ не могъ проникать въ комнату, и опустивъ рамы мы остались совсѣмъ въ темнотѣ, такъ что должны были зажечь свѣчи. Едва мы расмѣстились въ комнатѣ на полу, какъ одна сторона аруси поднялась, и къ намъ представился нѣкоторый дервишъ подъ именемъ Шахъ дервиша. Онъ спѣшилъ засвидѣтельствовать намъ свое почтеніе и освѣдомиться о нашемъ здоровьѣ, послѣ же того предложилъ свои услуги, и объяснилъ, что имѣетъ чрезвычайныя свѣдѣнія въ познаніяхъ историческихъ, географическихъ и кромѣ того архитектурныхъ. Для примѣра онъ тутъ же началъ рассказывать намъ исторію Искендэра (Александра Македонскаго); за тѣмъ онъ перешелъ къ дѣяніямъ Рустэма и др. персидскихъ героевъ. Рассказы его продолжались до поздняго вечера, говорилъ онъ безъостановочно. На слѣдующее утро дервишъ явился съ свитками бумагъ; на нихъ начерчены были планы Шахъ-аббасскихъ дворцовъ, остатки которыхъ находятся близъ Сари въ Багишахѣ. Планы эти онъ нарисовалъ по порученію, сдѣланному ему наканунѣ Б. А. Дорномъ. Вмѣстѣ съ ними онъ предложилъ намъ длинный свитокъ «тумаръ» рукописи, по словамъ его единственной во всей Персіи. Рукопись эта заключала въ себѣ описаніе тѣхъ самыхъ подвиговъ Искендэра, о кото-

рыхъ разсказывать онъ наканунѣ ¹⁾). Наслушавшись дервиша, мы отправились осматривать городъ и замѣчательныя изъ зданій. Въ полдень, когда жители города собирались въ соборную мечеть, мы зашли въ нее, и на сколько было возможно видѣли внутренность двора мечети. Въ Сари оставались мы два дня; во все время дождь не прекращался, что не мѣшало впрочемъ нашимъ прогулкамъ по городу или его окрестностямъ. Возвращаясь въ лавку свою, мы тотчасъ же зажигали въ ней свѣчи, и день перемѣнялся у насъ на ночь. Дервиша Шаха мы болѣе не видѣли; онъ поѣхалъ по порученію Б. А. Дорна отыскивать въ д. *Семдъ-маалля* обломокъ съ плиты надъ могилою извѣстнаго въ Сари памятника дервишу *Кейфъ-Али-Шаху*, который похороненъ близъ города на кладбищѣ Мулла Меджедина.

Изъ Сари мы выѣхали 17 числа утромъ, и вечеромъ того же дня были въ Барферушѣ, гдѣ помѣстились въ каравансераѣ «Закаспійскаго Товарищества», у управляющаго факторію Н. Т. Рудакова.

Погода установилась наконецъ ясная, и мы каждый день могли ходить по городу или его окрестностямъ.

25 Октября мы были на дорогѣ въ древнюю столицу Табаристана Амуль, куда успѣли пріѣхать въ тотъ же день еще за свѣтло. Здѣсь мы остановились въ каравансераѣ на берегу Гераза. Комната, которая была намъ отведена, находилась надъ конюшнею; полъ состоялъ въ ней всего изъ нѣсколькихъ досокъ, такъ что мы должны были предварительно собрать ихъ, чтобы устроить подмости. Окно изъ комнаты выходило на обрывистый берегъ Гераза. Къ нашимъ услугамъ вскорѣ явились даруга (старшина) Амуля, по имени *Асадъ-улла*, съ помощникомъ своимъ *Мешеди-Хасаномъ*. На слѣдующее утро они повели насъ за городъ осматривать древніе памятники Амуля. Мѣстные жители, сверхъ всякихъ нашихъ ожиданій, со всею готовностію удовлетворяли нашимъ распросамъ, и охотно передавали намъ свѣдѣнія свои о древней столицѣ; насъ никто не чуждался, даже женщины, и тѣ не закрывались при встрѣчѣхъ съ нами.

1) Свитокъ этотъ переданъ мною въ Академію Наукъ.